У ПУШКИНА В ГОД ОКТЯБРЯ

Ираклий АНДРОНИКОВ

В НАЧАЛЕ ИЮНЯ нынешнего юбилейного года многие писатели и поэты были свидетелями и участниками события, какого еще не бывало в нашей культурной жизни. Небывальное оно было прежде всего потому, что никакого события не было. Просто приближался день рождения Пушкина — дата не круглая, не юбилейная, — и уже накануне в Псковскую область, в Михайловское, где Пушкин «провел изгнанником два года незаметных», где написал «Бориса Годунова» и «деревенские» главы «Онегина», стали съезжаться гости.

Гости? Но такого числа гостей не видал никогда ни один хозяин. И небывалое это число было оттого еще более небывальным, что этих гостей никто специально не приглашал. Они ехали сами. К Пушкину. Белою летнею ночью шли и шли минутно большие автобусы, и просто автобусы, и микроавтобусы, мотороллеры, мотоциклы, мопеды, полторы, «Волги», «Москвичи», «Запорожцы», «Победы» — шли через районный центр Пушкинские Горы в Михайловское. А по обочинам шли пешеходы.

И когда в полдень на огромной поляне перед входом в пушкинский заповедник открылся Всесоюзный пушкинский праздник поэзии — поляны не было. Людей собралось множество столь великое, что его не охватывал глаз. Стоящие там, в конце, на опушке были неразличимы и сливались в одну, сверкающую красками зернь.

Автоинспекторы ошибаются редко. ГАИ города Пскова зарегистрировала более 135 тысяч приехавших на колесах — из Пскова, Ленинграда, Новгорода, Калинин, Москвы, Орши, Витебска, Великих Лук, Вильнюса, Тарту, Таллина, Риги... Даже Петрозаводска. Из городов. Городков. Из колхозов — ближних и дальних. А сколько пешком пришло! Сколько теснилось подростков!

Три с половиной часа читали поэты свои стихи, свои посвящения Пушкину или коротко говорили. Пушкинский стих звучал. И целый день стояла, не расходясь, эта небывалая в мире поэтическая аудитория. И, глядя на эту поляну, каждый из нас понимал, что сделал возможным все это только Октябрь.

Пятьдесят лет назад почти сплошь неграмотная страна, свершившая в истории человечества величайшую из всех революций, стала учиться читать по складам. А теперь дети и внуки этих неграмотных раскупают в киосках — здесь, на поляне — тысячи экземпляров книги, специально изданной к этому дню, — «Пушкин. Стихи, написанные в Михайловском». И целый день слушают стихи Пушкина и современных поэтов.

Мы как-то уже привыкли к тому, что под сводами Дворца спорта в Москве на поэтические вечера собираются десять тысяч. Но почти полтора тысяч едущих почти за полтора километра от Пскова, чтоб стоять под открытым небом и слушать стихи, — нет, это еще большее чудо! И, одновременно, естественный результат полувековой жизни нашего общества, ибо это пробужденное революцией стремление народа к культуре неодолимо. Неодолима эта страстная к ней любовь, ненасытный к ней интерес.

К концу дня сто тысяч экземпляров книги Пушкина были распроданы. И множество других книг. Понятно, почему не хватает никаких тиражей, хотя в стране, кроме густой сети книжной торговли, есть библиотеки — школьные, колхозные, районные, городские, областные, республиканские, научные, профсоюзные, в каждом учреждении, на каждом заводе... И все эти библиотеки выдают и выдают книги. И подписка есть — на журналы подписка. И на газеты. С каждым годом она растет и растет. И нету конца этой подписке и этому росту.

К тиражам напечатанного прибавьте «тираж» нашего радио, кстати, пушкинский праздник транслировался, и слышала его вся страна. И Центральное телевидение посвятило этому событию специальные передачи. Размеры этого тиража в эфире даже вообразить себе трудно! Я ехал в Михайловское дорогой, по которой когда-то путешествовал Радищев, коего ужасали и дикое барство и бесконечная темнота народа — умного, трудолюбивого, благородного. Ныне все крыши — в селах, городках, городах уставлены Т-образными антеннами телевидения, которые кто-то из наших поэтов сравнил с попитрами большого оркестра. Каждый дом, каждый домик стал звучащей книгой, театром, концертным залом, университетом культуры! Классической и современной культуры. Культуры советской, по слову В. И. Ленина соединившей в себе все лучшее, что накоплено человечеством, и умножившей эти сокровища новыми великими произведениями поэзии, музыки, искусств пластических, театра, кино...

ПОЧЕМУ ЖЕ символом этой новой духовной культуры, любви, уважения к ней стала наша любовь к Пушкину, столь зримая ныне всенародная наша любовь?

Потому что пушкинская поэзия — олицетворение многогранности, отзывчивости, обращенности к событиям и современной и исторической жизни, тонкого ощущения будущего, недостижимого совершенства, великой доступности. Потому что, став синонимом культуры национальной русской, поэзия Пушкина олицетворяет и нашу многонародность — союз наших национальных культур, ибо именно Пушкин сто тридцать с лишком лет назад предрек, что имя его назовет в грядущем каждый народ, населяющий русское государство. В их числе — калмык, «друг степей». И замечательный советский поэт, калмык Давид Кугульгин выразил на пушкинском празднике это благодарное чувство, когда сказал, что калмыки всегда с надеждою помнили об этом пророчестве, о свободе и грядущем своем просветлении и верили в предсказанную поэтом судьбу.

На языке девушки, к которой Пушкин обратился когда-то с просьбой «Не пой, красавица, при мне ты песен Грузии печальной», прочел свои стихи грузинский поэт Карло Каладзе. Увлеченно говорил армянская поэтесса Сильва Капутикян. Вдохновенно импровизировал балкарец Кайсын Кулиев. Превосходно выступали поэты и писатели русские: Николай Рыленков, Борис Полевой, С. С. Смирнов, Белла Ахмадулина, Виктор Боков, Лариса Васильева...

И каждый из нас чувствовал и понимал, что этот многоязычный и дружный праздник порожден пятьдесят лет назад Октябрем.

Были среди нас поэты, освободившие пушкинские места в 1944 году, — Василий Субботин, Александр Смердов, Яков Хелемский. Приехал поэт-ленинградец чудесный Сергей Орлов, горевший в танке под Псковом. Их появление воспринято было как особое — через кровь и огонь — подтверждение любви к поэзии Пушкина и к нему самому. И не могу я забыть рассказ, который услышал в тот день — о майоре, выбившем противника из Пушкинских Гор.

Оставляя эти места, враг уничтожил вокруг все, что мог. Начинил минами каждый клочок земли. Когда лестница, ведущая к монастырю Святогорскому, была разминирована, первое, что сделал этот майор, — подошел к могиле поэта и стал перед ней на колени. И погиб! Могила Пушкина была заминирована! Даже могила!

От домика Пушкина, от домика няни в Михайловском ничего не осталось. Истреблено было все. Но сразу же после освобождения директор заповедника Семен Степанович Гейченко — великий энтузиаст, настоящий поэт истории, литературы, музейного экспоната, реликвий русской природы — Гейченко и его замечательные сотрудники принялись расчищать, убирать, воскрешать... Войдите в музей! Никто не скрывает — дочечка прибиита: пушкинский домик реконструирован, заново создан в 1949 году. Нет, неважно, что домик — не тот! Трепет охватывает вас! Вы стоите там, где Пушкин творил! Среди вещей, портретов и книг, которые находились когда-то на этих местах. Видна река Сорочь из окон гостиной. А дальше просторы — такие великие, обливающие сердце такою любовью, таким восторгом от приобщения к прекрасному, что кажется — Пушкин здесь, и он жив, и незримо присутствует в этих комнатах и там, за стеной — в аллеях, в «пустынях молчаливых», в лесах, среди этих людей, пришедших сюда, чтобы реальнее ощутить бессмертие поэта в этом своем присутствии, в этом священном соединении многолюдства и тишины.

Это — огромная тема: музеи нашей страны. Потому что музеи у нас — не прошлое, а всегда и настоящее, всегда связь времен! Устремленные в будущее, мы никогда не теряем полноценного ощущения ни сего дня, ни связи со днем отошедшим. И постоянное переполнение наших музеев, и бесконечные очереди на выставках, и беспрестанные требования, чтобы искусство послеваляло за временем — до существа, если вдуматься, как прекрасно все это! Но за будничными делами мы не всегда успеваем отчетливо рассмотреть в проявлениях этих одно из великих выражений нашего времени.

Я отвлекся от праздника!

Там, где Пушкин создавал образ Ленского, перед этой дубравой, на нашу эстраду, на эту необозримую публику вышел в плаще и в цилиндре Ленского народный певец Иван Семенович Козловский. Вышел Онегин. И Зарецкий в мундире. Пианино и виолончель заменили оркестр. Зазвучал Чайковский. Началась

сцена дуэли — прекрасное пение. Наведены пистолеты. Блеснул огонь. Выстрелы загремели. Меж сосен повис синий дым. Ленский упал. Все вздрогнуло на поляне и теснее сгрудилось. Под небом оперу слушается иначе. Мне померещилось, что Козловский убит.

Он поднялся жив-невредим, отдал плащ и прошел с детским хором славу — и Пушкину и советским поэтам, и гостеприимной псковской земле. Слово, театр, музыка — все служило в тот день поэзии Пушкина и демонстрировало народность свою.

А НЕДАВНО мне снова удалось побывать в тех местах. Год юбилейный, и Союз писателей СССР решил пригласить в гости тех литераторов, которые за рубежом переводят на иностранные языки наши книги — книги современных писателей и писателей классиков. И приехали — почти семьдесят человек. Из Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии, Монголии, Англии, Франции, Италии, ФРГ, Австрии, Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии, Японии... Двадцать три страны представлены были на этой встрече переводчиков зарубежных с советскими переводчиками.

Многие прибыли к нам впервые. И впервые видели нас — советских писателей. И друг друга. Все они — верные наши друзья: иные переводят русские книги всю свою жизнь. Но в тот день мы еще и представить себе не могли, как лично подружимся мы в течение первой недели.

Знакомство решили начать с поездки в Михайловское. И вот по дороге, по которой ездил решительно все писатели русские восьмидесятого и первой половины прошлого века, пошли два огромных автобуса через Клин и Калинин, Торжок, Вышний Волочек, Валдай в Новгород и во Псков. Плыли эти корабли на колесах на северо-запад России. И звучала в них одна только русская речь. Японец и швед, англичанин и югослав объяснялись между собою по-русски. Это сообщество или, лучше сказать, дружество невольно казалось моделью мирового значения русского языка, вступившего в новую эру. И, конечно, началом этой новой эпохи в истории нашего языка был Семнадцатый год, Октябрь.

С интересом глубоким и добрым осматривали гости восстановленные после войны древние соборы и башни Новгорода и Пскова. Дивясь размаху реставрационных работ, дивились тем самым искусству мастеров и прежних и новых. Проезжали по новым мостам, перекинутым через древние реки. В молчании озирали пушкинский кабинет. Восхищались парком Тригорского. Задумчиво оглядывали дали, открывающиеся с Савкиной горки в Михайловском — едва ли не самые прекрасные места в целой России. А в результате тогда вот — в эти несколько дней и возник необыкновенный контакт между гостями из разных стран и хозяевами — советскими литераторами и гостеприимными псковичами. И сколько нового было в самом факте этой поездки! И в отношениях людей! Глубоко знаменательно, что встреча такая произошла. И что состоялась она в нашей стране и нашей литературе.

Много нового видели гости. А кое-что было новым даже для нас. Прежде всего поэтический вечер во Пскове, где публика, переполнившая зал Дома культуры, слушала стихи Пушкина, Маяковского, Блока — по-японски, по-чешски, по-английски, по-польски, по-монгольски, по-немецки, по-сербски — русские стихи на многих языках мира!

Слушали люди и жарко рукоплескали вместе с гостями — и дружбе, и переводам прекрасным, и великой поэзии русской. Великой нашей культуре. Ее мировому значению. А тем самым — всей нашей стране. Октябрю!

Известия, Москва, 1968, 27 окт.